

АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ ЕВРАЗИИ:

ХРОНОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОГЕНЕЗ,
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Вадим Михайлович Массон на Алтын-депе, 1974 г.
Vadim Mikhailovich Masson at Altyn-depe, 1974

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

PROCEEDINGS. VOL. XLII

**Archaeology of the ancient societies
of Eurasia: chronology, cultural genesis,
religious views**

**Dedicated to the memory of Vadim Mikhailovich Masson
(03.05.1929–19.02.2010)**

St. Petersburg
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Труды. Т. XLII

**Археология древних обществ Евразии:
хронология, культурогенез,
религиозные воззрения**

**Памяти Вадима Михайловича Массона
(03.05.1929–19.02.2010)**

Санкт-Петербург
2014

Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. Т. XLII. — СПб.: ИИМК РАН; «Арт-Экспресс», 2014. 464 с.

Archaeology of the ancient societies of Eurasia: chronology, cultural genesis, religious views. Dedicated to the memory of Vadim Mikhailovich Masson (03.05.1929–19.02.2010). Proceedings of IHMC RAS. Vol XLII — St. Petersburg: IHMC RAS; “Art-Xpress”, 2014. 464 p.

ISBN 978-5-4391-0123-8

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН.
Approved by the Academic Board of IHMC RAS.

Редакционная коллегия: В. А. Алёшкин (ответственный редактор), Л. Б. Кирчо (зам. ответственного редактора), М. Т. Кашуба, В. Я. Стёганцева.
Editorial board: V. A. Alekshin (editor-in-chief), L. B. Kircho (deputy editor), M. T. Kashuba, V. Ya. Stegantseva.

Перевод на англ. язык: Л. Б. Вишняцкий.
English translation: L. B. Vishnyatsky.

Рецензенты: доктор исторических наук Ю. Е. Березкин, доктор исторических наук О. В. Шаров.
Editorial referees: Doctor of Historical Sciences Yu. E. Berezkin, Doctor of Historical Sciences O. V. Sharov.

В настоящем издании публикуются статьи, посвященные проблемам археологической теории, а также анализу археологических комплексов от эпохи неолита до раннего средневековья, исследованных на обширных территориях от Кипра, Анатолии и Аравийского полуострова до Европы, Кавказа, Центральной Азии и Южной Сибири. В работах, представленных в сборнике, подробно раскрываются вопросы происхождения и хронологии древних обществ Евразии, охарактеризованы модели их взаимодействия, реконструированы различные стадии развития их духовной культуры, включая искусство и верования. Книга написана сотрудниками Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, а также Отдела истории античной культуры ИИМК РАН и предназначена для археологов, этнографов и историков, специалистов в области древнего прошлого племен, населявших обширные пространства евразийского континента.

The papers published in the present volume are devoted both to theoretical issues faced by archaeologists and to the analysis of specific archaeological assemblages. The latter span the period from the Neolithic to the Early Middle Ages and come from a wide range of geographical areas such as Cyprus, Anatolia, Arabia, Europe, Caucasus, Central Asia, and South Siberia. The works presented in the volume substantially contribute to clarifying the origins and chronology of the ancient societies of Eurasia, to understanding their interaction patterns, and to reconstructing the development of their spiritual culture, including art and beliefs. The book is written by the staff members of the Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus, and the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS. It is intended for archaeologists, ethnographers and historians studying the ancient past of the tribes that inhabited vast regions of Eurasia.

На лицевой стороне обложки: Алтын-депе, каменный светильник периода ранней бронзы.
On the front side of the cover: Altyn-depe, stone lamp of the Early Bronze period.

На обратной стороне обложки: Карта Каспийского моря XIII в. Рис. 1 к статье Д. Абдуллоева.
On the reverse side of the cover: XIII century map of the Caspian Sea. Fig. 1 to D. Abdulloev's paper.

© Институт истории материальной культуры РАН, 2014
© Авторы статей, 2014
© Издательство «Арт-Экспресс», 2014

ISBN 978-5-4391-0123-8

Предисловие

Выход в свет сборника статей «Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения», подготовленного сотрудниками Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, совпал по времени с 95-й годовщиной образования центрального археологического учреждения России, заново созданного после революции 1917 г.

Указ о формировании Российской Академии истории материальной культуры, сменившей прежнюю Императорскую Археологическую комиссию, подписал 18 апреля 1919 г., глава РСФСР В. И. Ульянов-Ленин. Академия продолжила разработку всех научных направлений, доставшихся ей в наследство от ее предшественницы, в том числе и анализ древностей южнорусских степей, Кавказа, Средней Азии и Сибири. Как бы ни менялось впоследствии название нового учреждения (Государственная Академия истории материальной культуры, Институт истории материальной культуры АН СССР, Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР), в его составе неизменно находились археологи, проводившие полевые изыскания во всех вышеназванных регионах. Причем силы ученых, исследовавших эти области, долгое время были распылены по различным разрядам, группам, бригадам, кафедрам и секторам, являвшимся в разные годы частями структуры Академии/Института.

Лишь в 1951 г. специалисты по древностям Востока, Кавказа, Сибири и российских степей были объединены в рамках Сектора археологии Средней Азии и Кавказа, созданного в ЛОИИМК АН СССР. Это подразделение существует уже 63 года, хотя учреждение, частью которого оно является, два раза меняло название, вначале на Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР), а затем на Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН). В настоящее время подразделение носит название «Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа».

В течение многих лет сотрудниками Сектора/Отдела являлись известные археологи, внесшие значительный вклад в изучение древностей Средней Азии и Казахстана (А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, М. М. Дьяконов, Ю. А. Заднепровский, А. М. Мандельштам, В. М. Массон, В. С. Сорокин, И. Н. Хлопин, С. С. Черников, А. Ю. Якубовский), Кавказа и южнорусских степей (А. А. Миллер, А. А. Иессен, К. Х. Кушнарёва, Б. Б. Пиотровский, К. В. Тревер, В. П. Шилов), Сибири (А. Д. Грач, М. П. Грязнов, Г. А. Максименков, А. М. Мандельштам, С. И. Руденко).

Научный коллектив Отдела известен рядом крупных открытий, вошедших в мировой фонд археологии. Речь идет об исследованиях энеолитического поселения Илгынлы-депе (В. М. Массон, Н. Ф. Соловьёва), городища эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе (В. М. Массон, Л. Б. Кирчо), Сумбарских могильников бронзового века (И. Н. Хлопин), раннесредневекового согдийского города Панч (А. М. Беленицкий, В. И. Распопова, Д. Абдуллоев) — в Центральной Азии; урартской крепости Тейшебаини на холме Кармир-блур (Б. Б. Пиотровский), могильника бронзового века Клады (А. Д. Резепкин) — на Кавказе; курганов железного века Аржан-1 (М. П. Грязнов) и Царам (С. С. Миняев), а также могильника Аймырлыг (А. М. Мандельштам) — в Сибири.

В разные годы Сектором/Отделом руководили А. Ю. Якубовский, М. М. Дьяконов, М. П. Грязнов, В. М. Массон, и с апреля 2003 г. заведующим является В. А. Алёшкин.

В. М. Массон занимал пост заведующего на протяжении почти 35 лет (с 1 ноября 1968 г. по 31 марта 2003 г.). Доктор исторических наук, профессор В. М. Массон (03.05.1929–19.02.2010) являлся крупнейшим специалистом по первобытной археологии Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Его основным вкладом в отечественную науку стали многолетние раскопки древнеземледельческих поселений на юге Туркменистана. Анализируя богатейшие археологические материалы, полученные при исследовании этих памятников, относящихся к эпохе неолита — раннего железного века, В. М. Массон многое сделал для изучения фундаментальных проблем становления производящего хозяйства и развития комплексных обществ эпохи энеолита и бронзы в Центральной Азии. Его исследования внесли яркий вклад в развитие восточной археологии, особенно в области изучения культурогенеза.

В. М. Массон сыграл решающую роль в развитии ленинградской/петербургской школы центральноазиатской археологии, успехи которой, справедливо связанные с его именем, были высоко оценены в ведущих зарубежных научных центрах. В 1980-х гг. он стал одним из организаторов международных симпозиумов (советско-французские, советско-американские, советско-индийские), посвященных дискуссионным проблемам первобытной археологии Среднего Востока, Южной и Центральной Азии.

Будучи крупным организатором науки, В. М. Массон руководил в 1970–1980-х гг. межреспубликанским научным советом по археологии Средней Азии и Казахстана, который проводил региональные совещания по актуальным проблемам изучения древностей этого обширного региона. С 4 января 1982 г. по 12 мая 1998 г. он возглавлял ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.

В 1991 г. В. М. Массон принял самое активное участие в преобразовании ЛОИА АН СССР в самостоятельный институт — ИИМК РАН и стал инициатором создания печатного органа Института — журнала «Археологические вести», первый номер которого вышел в 1992 г.

Не менее масштабной была и научно-педагогическая деятельность В. М. Массона. С 1957 г. он читал курс «Археология Средней Азии» для студентов-археологов исторического факультета ЛГУ, а затем и курс «Археология Древнего Востока». В конце 1960-х — начале 1970-х гг. В. М. Массон руководил студенческим Восточным семинаром кафедры археологии ЛГУ. Он выпестовал не одно поколение учеников в ЛОИА и в других археологических центрах СССР. Под руководством ученого в Ленинграде/Санкт-Петербурге обучались аспиранты и стажеры из различных археологических учреждений России и стран ближнего (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Туркменистан, Узбекистан) и дальнего (Вьетнам, Республика Корея, Сирия) зарубежья. Центральноазиатская группа сотрудников Отдела в настоящее время почти полностью состоит из учеников В. М. Массона.

Достижения В. М. Массона на археологическом поприще были отмечены его членством в институтах и научных обществах ряда государств СНГ и стран дальнего зарубежья. Исследователь был избран академиком Российской Академии естественных наук, академиком Туркменистана, Академиком Национальной академии Кыргызстана, заслуженным деятелем науки Кыргызстана, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным и действительным членом ряда иностранных академий и институтов (Великобритания, Германия, Дания, Италия, Румыния).

Заслуги В. М. Массона в развитии восточной археологии были отмечены Академией наук и Правительством Туркменской ССР. В 1978 г. его избирают членом-корреспондентом Академии наук Туркменской ССР, а в мае следующего года исследователю присуждают звание заслуженного деятеля науки и техники Туркменской ССР.

Оценивая научный путь В. М. Массона, следует отдать должное его целеустремленности, с которой он в течение более полувека исследовал древности Центральной Азии, его потрясающей работоспособности и остроте аналитического ума, благодаря чему его научное наследие надолго сохранит актуальность для последующих поколений археологов. Как дань уважения огромным заслугам Вадима Михайловича Массона перед отечественной наукой сотрудники Отдела посвящают ему этот сборник, публикация которого приурочена к 85-летию со дня рождения исследователя.

Статьи сборника сгруппированы в четыре раздела, соответствующие основным научным направлениям Отдела. Первый из них включает две статьи (авторы В. А. Алёшкин и В. С. Бочкарёв), в которых рассматриваются общие проблемы науки, в частности вопрос о природе различных археологических источников. Эта проблема всегда находилась в русле научных интересов В. М. Массона, который в первой половине 1970-х гг. организовал в ЛОИА АН СССР четыре общесоюзных симпозиума, посвященных социологической интерпретации археологических источников. Во втором разделе представлены статьи о древнеземледельческих памятниках юга Центральной Азии (авторы Л. Б. Кирчо и Ю. Г. Кутимов), а также работы, связанные с изучением культуры античных и раннесредневековых городов Центральной Азии, включая их торговые связи с отдаленными странами (авторы Д. Абдуллоев, В. П. Никоноров и В. И. Распопова). В третий раздел включены работы по хронологии и культурогенезу бронзового века Кавказа и Европы — авторы А. Д. Резепкин, М. Б. Рысин, В. Я. Стёганцева и М. Т. Кашуба совместно с коллегой из Молдавии О. Г. Левицким. Здесь же помещена статья Л. А. Соколовой о культурных связях населения Юго-Восточной Турции и Восточного Туркестана в начале I тыс. до н. э. Четвертый

раздел составлен из статей по археологии Сибири. В них публикуются материалы новых раскопанных могильников бронзового и железного веков (авторы Н. А. Боковенко, А. В. Поляков, М. Н. Пшеницына, Вл. А. Семёнов и М. Е. Килуновская) и данные об укрепленных поселениях Южной Сибири от эпохи бронзы до развитого средневековья (С. В. Красниенко и А. В. Субботин), а также рассматриваются различные аспекты культурогенеза в эпоху первобытности (авторы Э. Б. Вадецкая и С. С. Миняев).

Кроме того, в сборник включены две статьи сотрудников Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященные археологии Древнего Востока (автор Ю. А. Виноградов) и Восточного Средиземноморья (автор В. А. Горончаровский), а также статья сотрудницы Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН Н. Н. Скакун, написанная ею в соавторстве с коллегами из Таджикистана (Т. Г. Филимонова, А. Х. Юсупов) и сотрудником Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Ю. Г. Кутимовым.

Все упомянутые исследования посвящены актуальным вопросам современной науки и будут способствовать ее дальнейшему развитию.

В. А. Алёшкин

Археологические памятники скифской эпохи Усинской котловины в Западном Саяне: культурно-хронологическая интерпретация

Н. А. Боковенко

Ключевые слова: *Западный Саян, Усинская долина, скифская эпоха, аржанский этап, алды-бельская культура, саглынский этап, могильник, курган, Баданка IV, Теплая.*

Keywords: *West Sayan, Us depression, Scythian period, Arzhan stage, Aldy-Bel culture, Saglyn stage, cemetery, barrow, Badanka IV, Teplaya.*

Физико-географическая ситуация. Саяны — горный край, примыкающий к восточному Алтаю и Кузнецко-Салаирской области, — простирается на восток почти до Байкала, но разделяется на Западный и Восточный Саяны. Западный Саян — сложная система хребтов (высотой до 3500 м), идущих преимущественно в северо-восточном направлении от Абаканского хр. до истоков р. Казыр. В самом Западном Саяне, за исключением Усинской котловины (15 × 50 км), больших предгорных долин нет. С севера и востока котловина окружена сильно расчлененными отрогами Мирского хр., с юга и юго-востока — Куртушибинского (Михайлов и др. 1992). По долине протекает р. Ус с многочисленными притоками, одним из которых является р. Иджим (рис. 1, 1). Только в ней прослеживаются достаточно большие участки с весьма плодородными черноземными почвами и богатой луговой и лугово-степной растительностью, где культивируется скотоводство. Земледелие же страдает от сильных заморозков.

Климат Западного Саяна суровый, но несколько менее континентальный, чем на соседних равнинных территориях: зима продолжительная и морозная, весна в горах поздняя. Только в конце мая среднесуточная температура поднимается на несколько градусов выше нуля и начинается интенсивное таяние снега. На основной площади гор снег стаивает только в июне. Но и в поздние месяцы лета в горах можно видеть пространства, покрытые снегом. Лето альпийского рельефа Западного Саяна короткое и прохладное.

Большие различия наблюдаются также в условиях увлажнения. Максимальное количество осадков получают северные склоны хребтов Западного Саяна и западные хребты Восточного Саяна, подверженные воздействию западных циклонов. Круглый год господствуют континентальные воздушные массы юго-западного направления. Для такого климата характерны большие годовая и суточная амплитуды температуры воздуха, сравнительно небольшая годовая сумма осадков и неравномерное их распределение в течение года, а также резкая выраженность времен года. Зима особенно сурова, когда Западный Саян находится под влиянием антициклона.

Палеоклимат и палеоэкология. Детальная реконструкция климата особенно важна для голоценового периода. В это время происходили большие преобразования в истории человечества, связанные с изменением климата. Наряду с охотой, рыболовством и собирательством появляются производящие методы хозяйства, развиваются новые технологические процессы.

В результате систематизации данных, полученных методами литологических, минералогических и геохимических анализов различных озерных отложений в ряде регионов Южной Сибири (Минусинская котловина и Тува), создана обоснованная детальная хронология климатических изменений и развития археологических культур для этих регионов (Боковенко и др. 2005; Дирксен и др. 2007; van Geel et al. 2005).

Эпоха бронзы (3000–1000 гг. до н. э.) в целом характеризуется сухими и прохладными климатическими условиями. В этот период на рассматриваемой территории происходит фор-

мирование различных культур энеолита и эпохи бронзы. Афанасьевская культура, относящаяся к энеолиту, появляется на территории Центральной Азии в IV–III тыс. до н. э. Около 5300 л. н. фиксируется скачок в сторону весьма сухих и теплых условий летом и холодных — зимой. По археологическим данным, в этом микрорегионе в конце 3000-х гг. до н. э. появляются культуры эпохи ранней бронзы (окуневская культура). Андроновская культура распространяется в северной части Минусинской котловины в 1500–1400 гг. до н. э. В этот период климат вновь становится прохладнее.

В период I тыс. до н. э. — рубеж нашей эры (конец эпохи бронзы — скифское время) климат становится теплее и более влажным. Начало увлажнения климата фиксируется около 3000–2740 BP (X–IX вв. до н. э.). Около 2740–2350 BP (IX–VII вв. до н. э.) на этой территории фиксируется максимальное увлажнение и некоторое потепление, что стимулировало увеличение биомассы в степях и в горных котловинах Западного Саяна. В это время в Центральной Азии формируются кочевые скотоводческие культуры скифского типа — тагарская, алды-бельская и др. Прохладные климатические условия на фоне влажного климата регистрируются также в III–IV вв. н. э.

Рис. 1. 1 — схема расположения Красноярского края и Усинской долины; **2** — вид на могильник Теплая
Fig. 1. 1 — scheme showing the location of the Krasnoyarsk region and Us depression; **2** — view of the Teplaya cemetery

История исследования региона. В силу своего географического положения в археологическом отношении Западный Саян исследован недостаточно, хотя через него проходил знаменитый Усинский тракт в Урянхайский край (Тува). По большей части это таежная зона с небольшими участками открытых пространств, которая в древности привлекала внимание охотников и рыболовов, но была трудна для занятия земледелием и скотоводством. Видимых погребальных памятников с мегалитическими каменными конструкциями типа тагарских, характерных для соседних регионов, здесь нет. Этим объясняется то, что практически до 1970–1980-х гг. археологические исследования в этом районе не проводились.

Первые разведочные маршруты по выявлению археологических памятников были осуществлены в 1968 и 1970 гг. сотрудниками Минусинского краеведческого музея Н. В. Леонтьевым и В. Ф. Капелько. В начале 1980-х гг. разведочные работы проводил отряд ЛГУ (начальник А. В. Виноградов). Было выявлено около 20 могильников и поселений различных эпох вокруг пос. Верхне- и Нижнеусинское. В конце 1980-х гг. в Усинской долине работали палеолитические отряды ЛОИА АН СССР под руководством С. Н. Астахова и С. А. Васильева. С. Н. Астаховым в устье р. Ус, практически у самого Енисея, исследована небольшая стоянка позднего палеолита. В районе р. Теплой (левый приток р. Ус) С. А. Васильевым была выявлена неолитическая стоянка, где найдены кремневые изделия (Васильев 1992). С 1984 г. в Усинской долине начинает работать Усинский отряд Средне-Енисейской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИИМК РАН) под руководством автора (Боковенко 1986). По долине р. Ус обследовались оба берега: на правом — от Мирской до Соснового, на левом — от Макаровка до Теплой. Именно в этой части долины имеются обширные открытые пространства со степной растительностью, где было выявлено 7 курганных групп, составляющие 9 могильников. На правом берегу они располагались на высокой первой надпойменной террасе, а на левом берегу — еще и в широкой пойменной части. Там же были зафиксированы поселения различных эпох.

Для изучения процесса заселения долины в древности (Боковенко 1987) были произведены планомерные раскопки нескольких скифских курганов на могильниках Баданка и Теплая, а также остатков распаханного поселения на могильнике Баданка IV, где под курганами скифского времени был обнаружен культурный слой с керамикой, аналогичной окуневской посуде с Тоора-Даша в Туве. Исследованное поселение может быть датировано эпохой ранней бронзы (началом II тыс. до н. э.).

С 1990-х гг. в долине периодически работал отряд Новосибирского ГУ во главе с О. А. Митько, который раскопал несколько памятников скифской эпохи и средневековья. Средневековые курганы в районе р. Мутной дали представительный материал IX–XI вв. (Митько 2002). В 2004 г. Петроглифический отряд ГЭ (Панкова, Слободзян 2005) обнаружил в Усинской долине по правому берегу р. Ус (на участке р. Мутная — руч. Сосновый) несколько наскальных изображений различных эпох.

С 2009 г. в рамках работ по обследованию трассы проектируемой железнодорожной линии Кызыл–Курагино на территории Курагинского, Каратузского и Ермаковского р-нов Красноярского края начала свои работы Саянская экспедиция ИИМК РАН. В общей сложности за четыре года в долине р. Иджим (Ермаковский р-н) выявлено 38 ранее неизвестных памятников археологии. Начаты раскопки на некоторых поселениях и курганных могильниках, попадающих в предполагаемую зону строительства железной дороги. На могильнике Маральское-2 эпохи бронзы и скифского времени были полностью раскопаны 8 курганов. На поселениях Черноусово-3, Усть-Иджим, Сухорослово-2 (III–I тыс. до н. э.) исследовано около 5000 м², на могильнике Сухорослово-1 раскопаны два кургана VII–IX вв. В результате проведенных археологических исследований получен разнообразный и представительный материал, характеризующий этапы заселения долины в разные исторические эпохи. Исследования продолжаются.

Предскифское время представлено могильником Усть-Федоровка, находящимся на правом берегу р. Федоровка при впадении ее в р. Ус, в 7 км к ЮЗ от пос. Нижнеусинское. Курганы находятся на первой надпойменной террасе р. Ус, которая в настоящее время интенсивно распахивается. Могильник состоит из пяти курганов, разбросанных по террасе и не составляющих единую цепочку, хотя они расположены вдоль р. Федоровка. Насыпи диаметром 3,5–4 м едва достигают 0,3 м высоты и практически не выступают над уровнем современной поверхности. На сильно задернованных насыпях проступают камни покрытия или ограды.

В 1984 г. автор провел раскопки одного из курганов, который можно отнести к концу эпохи бронзы — монгун-тайгинскому времени. Курган имел сильно задернованную округлую насыпь диаметром 3,8 м и высотой 0,2 м над уровнем современной поверхности. Сквозь дерновый слой проступали камни ограды и засыпки. Курган находился у самого обрыва над одним из рукавов р. Федоровки. Насыпь кургана состояла из больших валунов (0,4×0,3, 0,4×0,4 м). На уровне древней почвы была сооружена ограда в виде кольца (диаметром 3,5 м и высотой 0,3–0,4 м), в центре которой находилась могила. Прямоугольная могила (0,9×1,4 м) ориентирована длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ, глубина ее от верхнего уровня погребенной почвы — 0,3 м. Борты могилы и перекрытие сделано из удлиненных валунов. В яме обнаружена только цилиндрическая белая пастовая бусина.

Скифское время в Усинской долине представлено как отдельно стоящими курганами, так и крупными курганными могильниками.

Могильник Теплая (рис. 1, 2) расположен на правом берегу р. Теплая (левый приток р. Ус), в 30 км к СЗ от кург. Аржан-1 и Аржан-2. Могильник состоит из трех курганов, видимо, близких по времени сооружения, два из которых были раскопаны автором в 1993–1994 гг. (Vokovenko 1994). Курганы ограблены, но сохранившиеся изделия свидетельствуют об относительно высоком статусе погребенных (золотые украшения головного убора и одежды, бронзовое зеркало, колчаные наборы стрел, железный акинак, сосуды и др. (рис. 2–5). Их анализ позволил предварительно датировать памятник периодом 500–300 гг. до н. э. (Ibid.).

Погребальные конструкции и сохранившиеся материалы (трехлопастные бронзовые наконечники стрел, золотое головное украшение в виде козла, золотые нашивные бляшки, формы сосудов) из этих комплексов находят многочисленные аналогии в ранних курганах уюкско-саглынской культуры Тувы: Туран-4 (кург. 126) (Маннай-оол 1970: рис. 22), Куйлуг-Хем-1 и Саглы-Бажи-2–4 (Грач 1980: рис. 6; 32; 49; 86), Аймырлыг (Мандельштам 1983: рис. 2), Суглуг-Хем-1 и 2, Кош-Пей (Семёнов 2003: табл. 25; 34; 55) и Копто (Чугунов 2000а: рис. 2), которые датируются достаточно широко VI–III вв. до н. э. По бронзовым черешковым трехлопастным наконечникам стрел комплексы могильника Теплая можно датировать концом VI–IV в. до н. э. (Vokovenko 1994; Чугунов 2000а; 2000б).

Для радиоуглеродного анализа были взяты образцы угля из кург. 1 и 2 могильника Теплая. Калиброванный календарный интервал для даты кург. 1 — 2490 ± 60 BP (Je-5132) составляет при 1σ 770 ± 510 cal BC, а при 2σ — 790 – 410 cal BC. Комбинированная дата кург. 2 из двух дат: 2340 ± 230 BP (Je-3877) и 2570 ± 30 BP (Je-5664), — 2566 ± 30 BP и соответствует 810 – 540 cal BC, что свидетельствует о хронологической близости курганов. *Terminus ante quem* комплексов — V в. до н. э. Сопоставление археологической и радиоуглеродной даты демонстрирует предпочтительность VI в. до н. э., но при этом не исключена и более ранняя дата для кург. 2 — конец VII в. до н. э.

Могильник Терешкин расположен в 4,5 км к СВ от дер. Терешкина на высокой надпойменной террасе по обе стороны от проселочной дороги дер. Терешкина — с. Верхнеусинское. Состоит из шести курганов, три из которых вытянуты по линии ЮЗ–СВ, а еще три находятся вместе 40 м восточнее. Курганы представляют собой округлые или овальные земляные насыпи диаметром 7–15 м и высотой 0,5–2 м и относятся к раннескифскому времени.

Могильник Баданка I находится к ЮЗ от горы Баданка, в 4 км к ЮЗ от с. Верхнеусинское по обе стороны дороги. Состоит из трех курганов, занимающих западную часть невысокой надпойменной террасы. Самый большой — северный курган, остальные располагаются к югу. Размеры округлых насыпей колеблются от 10 до 25 м, высота — 1,5–1,8 м.

Могильник Баданка II расположен в 300 м к ЮЗ от могильника Баданка I, в пойменной части долины. Состоит из шести курганов разной величины, вытянутых цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Насыпи округлой формы, от 7 до 40 м в диаметре, высота их колеблется от 0,5 до 2,6 м. Причем южные курганы имеют небольшие размеры, но они постепенно увеличиваются по направлению к СВ. Курганы 1–3 сильно распаханы, земляные насыпи практически не видны в высокой траве.

На восточном склоне насыпи кург. 4 обнаружен четырехгранный олений камень (1,2×0,3–0,37×0,1 м) из красноватого песчаника. Камень в верхней части был обломан в древности, частично подработаны, но достаточно грубо, его верхняя часть и боковые грани. На всех гранях выбиты различные изображения, в основном типичные для этого типа памятников. На узкой лицевой

части выбиты три косые полосы, расположенные под поясом, а над поясом — изображение оленя и еще какого-то неясного животного, на левой грани — изображение чекана, заткнутого за пояс; на правой грани над поясом выбито изображение серьги с подвеской, а ниже пояса — лук в колчане.

Наиболее интересен кург. 6 (рис. 6, 1–7), самый большой в этой цепочке, достигающий 40 м в диаметре (исследован автором совместно с А. А. Ковалёвым). Насыпь этого кургана в профиле имела ступенчатую форму. Ров вокруг кургана достигал ширины до 1,5 м и глубины до 0,5 м (рис. 6, 1). У остальных курганов подобные рвы проследить не удалось. В центре насыпи кург. 6 была видна западина около 10 м в диаметре и глубиной до 0,5 м. Такие же западины, но меньших размеров встречены на кург. 4 и 5.

На дно квадратной ямы (глубиной до 4,5 м) был поставлен деревянный невысокий сруб (рис. 6, 2). Курган ограблен, костей погребенного не обнаружено, но были найдены две золотые

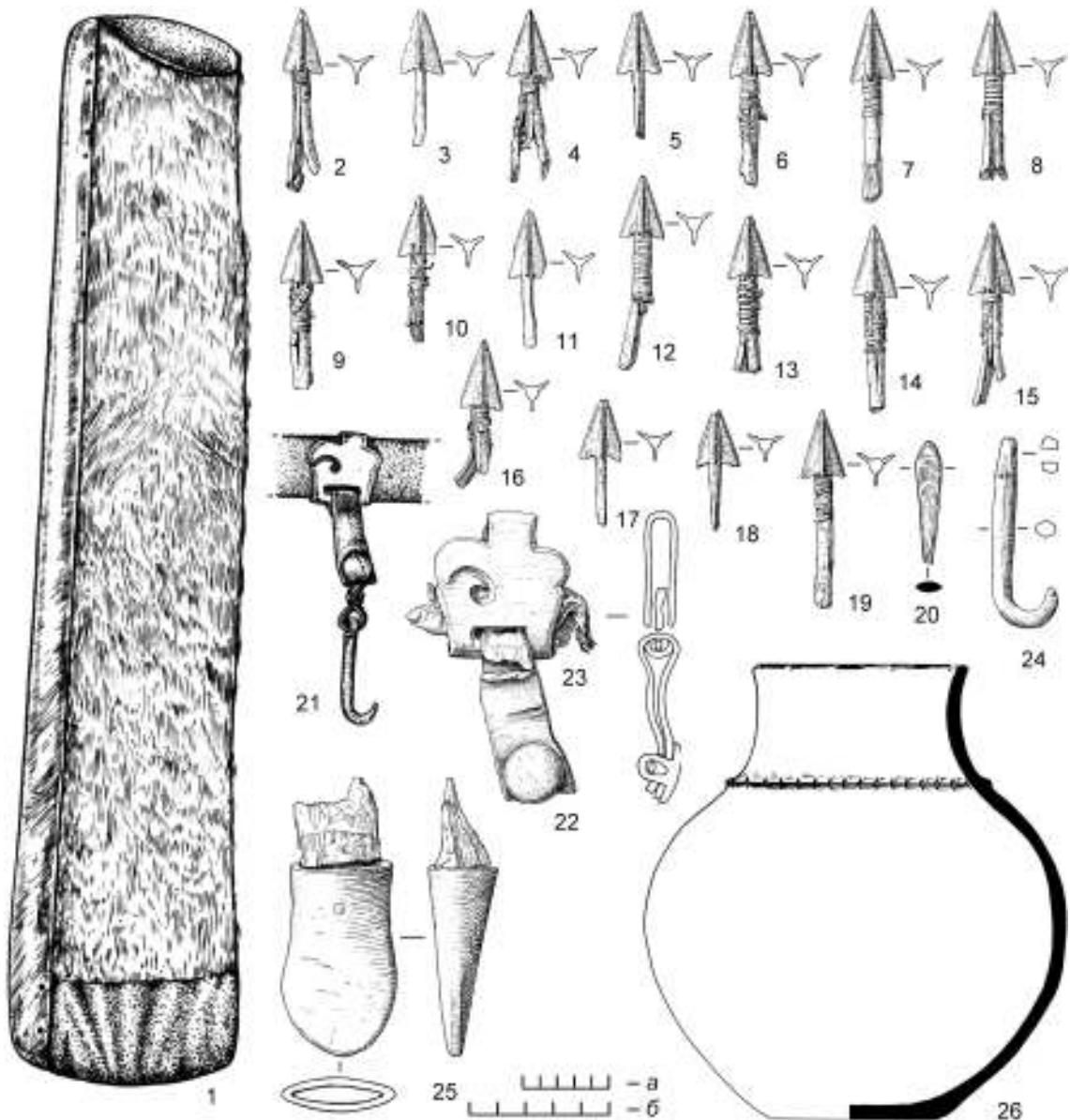

Рис. 2. Могильник Теплая, кург. 1, инвентарь: 1 — меховой колчан; 2–20 — наконечники стрел; 21, 24 — колчанный крючок; 22 — бляшка; 23 — ременная пряжка; 25 — вток от чекана (2–19, 21–25 — бронза; 20 — дерево); 26 — глиняный сосуд

Fig. 2. Teplaya cemetery, barrow 1, burial goods: 1 — fur quiver; 2–20 — arrowheads; 21, 24 — quiver hanger; 22 — plaque; 23 — belt buckle; 25 — horseman's pick socket (2–19, 21–25 — bronze; 20 — wood); 26 — clay vessel

бляшки в виде кошачьих хищников (рис. 6, 6, 7), бронзовое шило, обломок железного кинжала и костяной наконечник стрелы. Монументальность сооружения позволяет утверждать, что в нем была захоронена особа высокого ранга. Анализ имеющихся данных позволяет относить курган к саглыскому этапу (V–III вв. до н. э.).

Могильник *Баданка III* расположен в 220 м к СВ от могильника Баданка II, в той же пойменной части долины. Состоит из 11 курганов, вытянутых цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Здесь прослеживается аналогичная ситуация в расположении и размерах кург. 1–7: юго-западные курганы невысокие и небольшие, но их размеры увеличиваются по направлению к СВ. Первые три кургана едва достигают 7–10 м в диаметре и 0,5 м в высоту, остальные — 20–30 м в диаметре и до 2,5 м

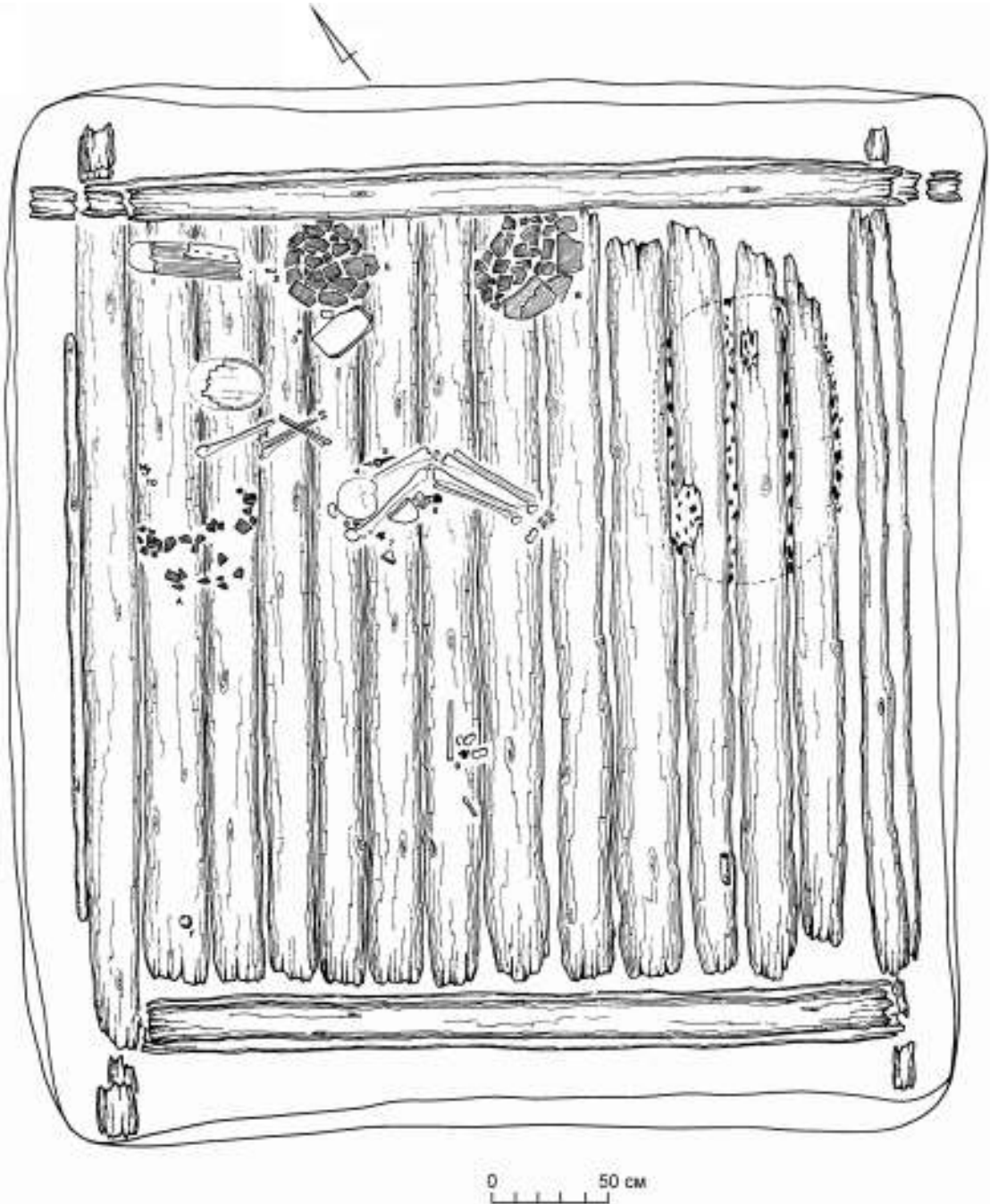

Рис. 3. Могильник Теплая, кург. 2, дно мог. 1, план
Fig. 3. Teplaya cemetery, barrow 2, bottom of grave 1, plan

высотой. Самый большой в этой группе — кург. 7 (высотой 2,5 м), насыпь которого имела подовальную форму (36×28 м). В центре насыпи имеется округлая западина диаметром около 6 м и глубиной до 0,6 м. Остальные четыре кургана меньших размеров: диаметры их насыпей составляют 10–15 м, а высота — до 0,5 м. Кое-где в насыпях проступают камни. Рядом с могильником на пахотном поле обнаружено китайское бронзовое зеркало (рис. 6, 8).

Могильник Баданка IV находится примерно в 300 м к СВ от могильника Баданка III и на 3 км к ЮЗ от с. Нижнеусинское. Состоит из 31 небольшого кургана, которые вытянуты цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Каменно-земляные насыпи имеют диаметры 5–12 м и высоту до 0,8 м, большинство их высотой не более 0,3 м. Насыпи и каменные надмогильные сооружения, как правило, окру-

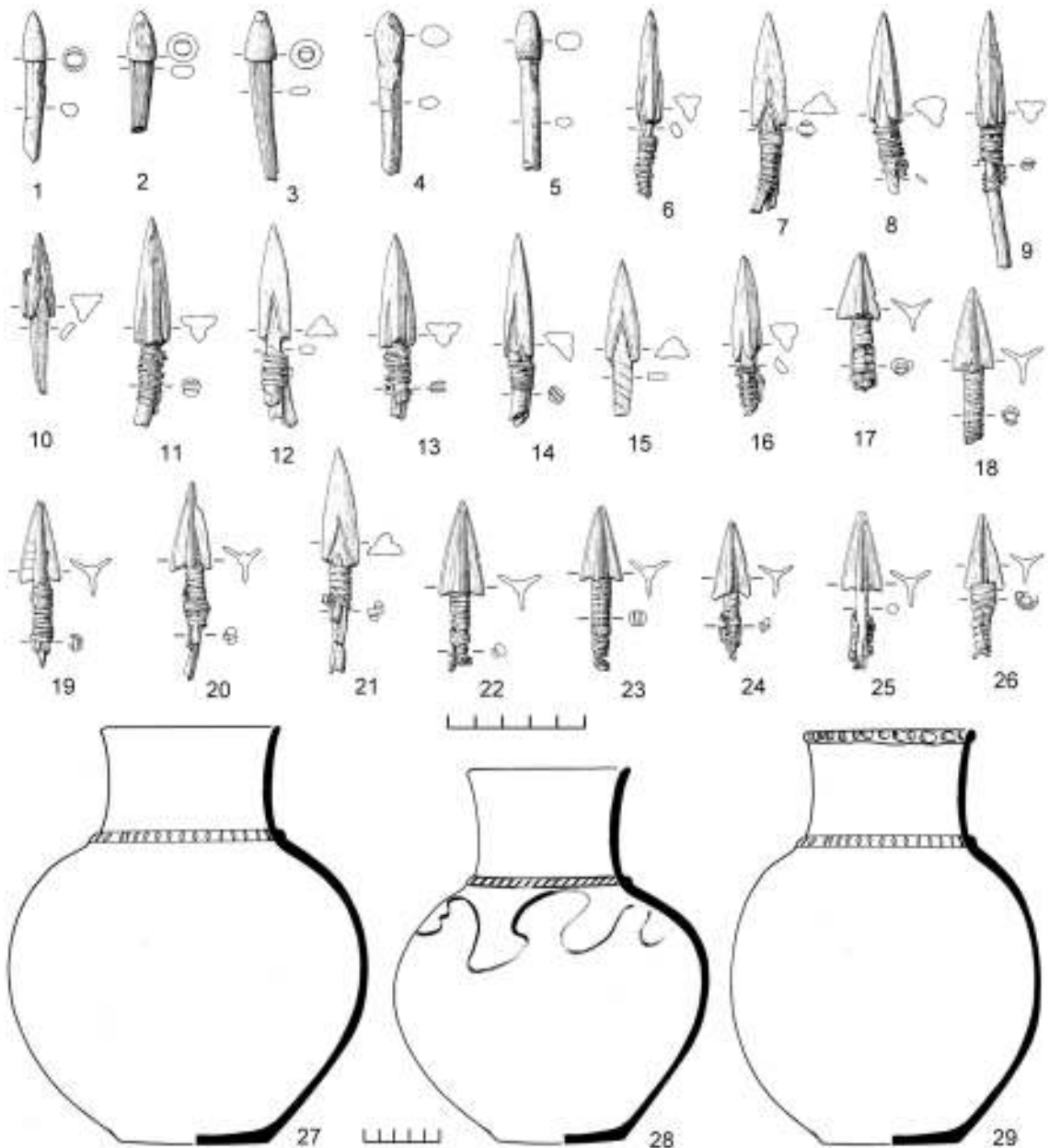

Рис. 4. Могильник Теплая, кург. 2, мог. 1, колчаный набор стрел (1–26) и керамика (27–29): 1–3, 6–21 — кость; 4–5 — дерево; 22–26 — бронза; 27 — сосуд А; 28 — сосуд Б; 29 — сосуд В

Fig. 4. Teplaya cemetery, barrow 2, grave 1, quiver set of arrows (1–26) and pottery (27–29): 1–3, 6–21 — bone; 4–5 — wood; 22–26 — bronze; 27 — vessel A; 28 — vessel B; 29 — vessel B

глой формы, частично распаханные, но в некоторых случаях улавливаются каменные насыпи или ограды подпрямоугольной формы. Датируются они раннескифским временем. Это подтвердили и раскопки шести курганов, проведенные автором в 1985–1986 гг., которые дали представительные материалы: бронзовые предметы вооружения, ножи, конское снаряжение, зеркала, костяные украшения, бусины из различных минералов. Здесь же в насыпи был обнаружен оленный камень простого типа (рис. 11, 8).

Самый ранний кург. 17 относится к аржанскому этапу. Он находился в центральной части могильника и практически не имел никакой насыпи, лишь кое-где на его поверхности проступали сильно задернованные камни ограды. После снятия насыпи была выявлена круглая каменная ограда диаметром 10 м, сложенная из массивных валунов ($0,7 \times 0,5 \times 0,4$ м и менее), поставленных на древнюю погребенную почву в два ряда; внутри ограда была заполнена более мелким гравием

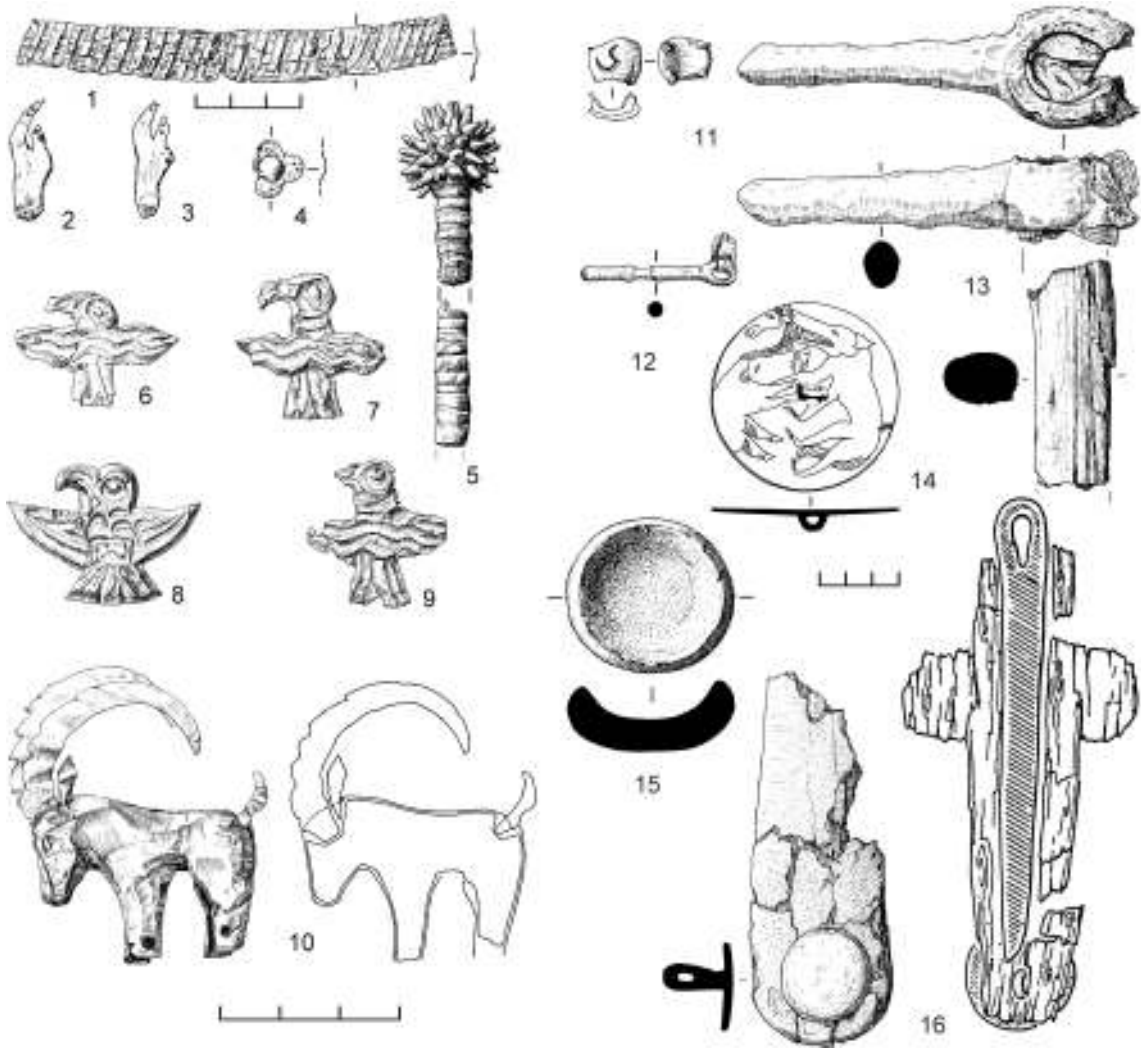

Рис. 5. Могильник Теплая, кург. 2, мог. 1, инвентарь: 1 — накладка; 2–4, 6–9 — нашивные бляшки; 5 — закладка; 10 — украшение головного убора; 11 — пронизка; 12 — шпенек; 13 — чекан с остатками деревянной рукояти; 14 — зеркало с гравировкой изображений животных; 15 — чашечка; 16 — нож в деревянно-кожаных ножнах (1–4, 6–9 — золото; 5 — золото, железо; 10 — золото, внутри дерево; 11–12, 14, 16 — бронза; 13 — железо; 15 — камень)

Fig. 5. Teplaya cemetery, barrow 2, grave 1, burial goods: 1 — onlay; 2–4, 6–9 — sewed-on plaques; 5 — pin; 10 — head-gear decoration; 11 — pendant; 12 — prong; 13 — horseman's pick with remains of a wooden shaft; 14 — mirror with engraved animals; 15 — cup; 16 — knife in wooden-leather sheath (1–4, 6–9 — gold; 5 — gold, iron; 10 — gold, inner part made of wood; 11–12, 14, 16 — bronze; 13 — iron; 15 — stone)

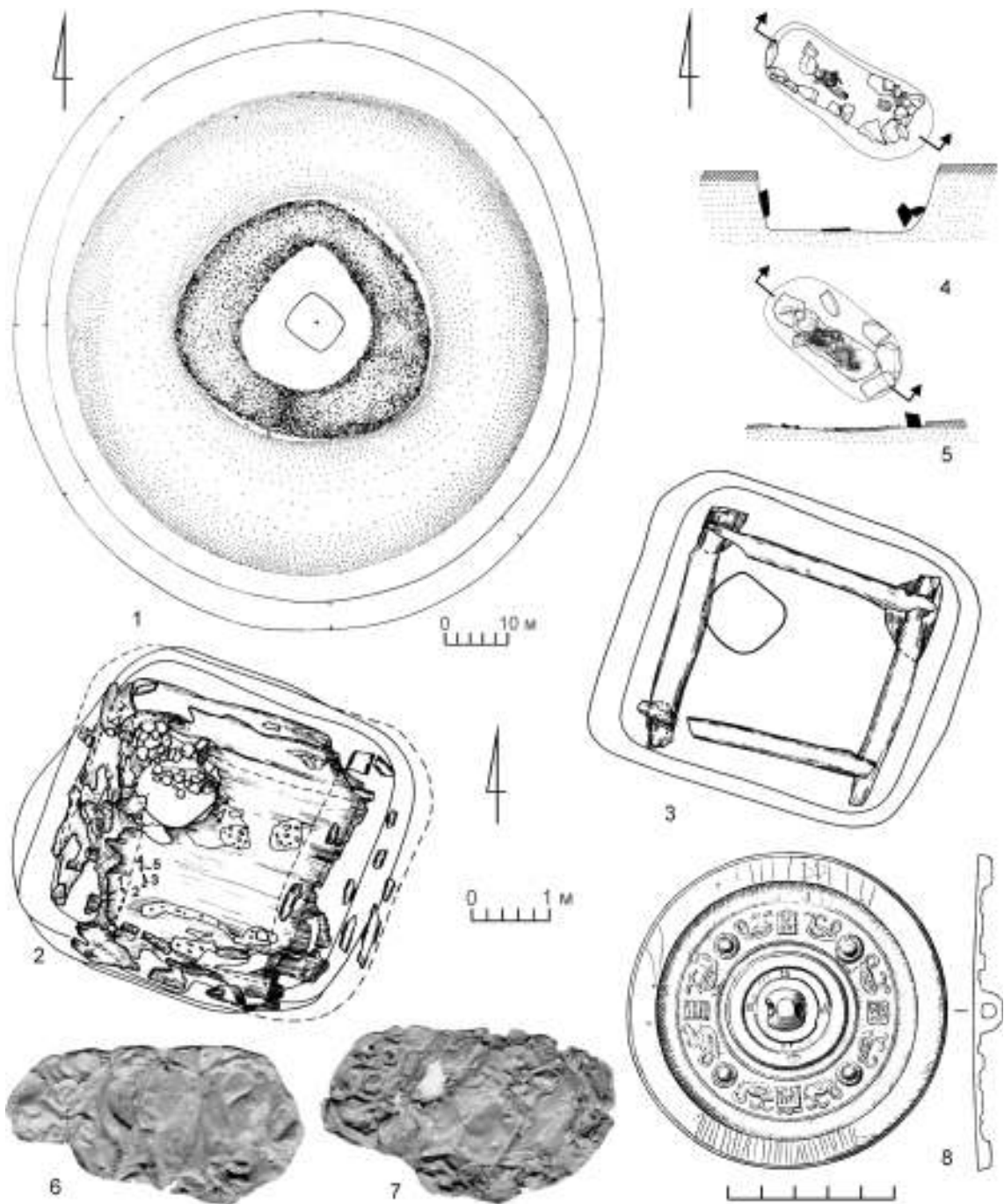

Рис. 6. Могильники Баданка II (1–7) и III (8): 1 — план кургана; 2 — план сруба на дне мог. 1; 3 — остатки сруба мог. 1; 4 — детская мог. 2; 5 — детская мог. 3 (в деревянной колоде); 6, 7 — мог. 1, нашивные бляшки в виде кошачьего хищника (золото); 8 — китайское бронзовое зеркало (случайная находка)

Fig. 6. Badanka II (1–7) and III cemeteries (8): 1 — plan; 2 — plan of the timber structure on the bottom of grave 1; 3 — remains of the timber structure; 4 — children's grave 2; 5 — children's grave 3 (within a timber structure); 6, 7 — grave 1, sewed-on plaques in the form of a feline (gold); 8 — Chinese bronze mirror (incidental find)

и галькой. Лучше всего сохранилась ограда в северной части, в южной и юго-восточной частях кургана она практически полностью распахана (рис. 7, 1).

Среди камней засыпки ограды и за ее пределами зафиксировано 22 скопления фрагментов от различных сосудов. Встречена керамика двух типов: 1) фрагменты красноватого цвета с гребенчатым орнаментом по всей поверхности и на верхнем срезе венчика (эта керамика всегда находилась ниже уровня погребенной почвы, на которой воздвигалась ограда скифского времени); 2) фрагменты неорнаментированной керамики красноватого и сероватого цвета, более грубой и толстостенной. Керамика второго типа обнаружена поверх каменной насыпки и с керамикой первого типа вместе не встречалась. Все эти скопления не были развалами целых сосудов даже в тех случаях, когда обломков достаточно много.

Керамика первого типа (гребенчатая) находит достаточно близкие аналогии в орнаментальных мотивах посуды II окуневского слоя стоянки Тоора-Даш в Туве (Семёнов 1992: 22, рис. 33–35) и, следовательно, может датироваться этим же временем. Керамика второго типа, судя по условиям залегания, либо синхронна кургану (погребальная тризна), либо относится к несколько позднему времени (поминальные тризны). Происхождение керамики первого типа можно связывать с культурным слоем эпохи бронзы, который находится под курганами на этой террасе (см. Боковенко 1996).

После снятия каменной засыпки внутри ограды обнаружили останки захоронения человека с конем на уровне древнего горизонта (рис. 7, 1). Могила была нарушена, видимо, в результате ограбления и поздних распашек поля. *In situ* в непо потревоженном состоянии находились лишь длинные кости человека, остальные кости полностью отсутствовали, за исключением нижней челюсти индивида 25–30 л. Судя по расположению костей ног, погребенный был уложен в центральной части ограды, на левом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. Южнее, за его спиной находился скелет старого жеребца. Конь был уложен на левом боку с вытянутыми ногами, головой на З. Длина пястной кости соответствует по таблице В. О. Витта высоте коня в холке примерно 140 см (Витт 1952: 171 сл.). Сохранность костей человека и коня очень плохая.

В 1,3 м к западу от костей человека зафиксированы скопления углей от двух небольших костров (диаметром около 0,25 м). Здесь же среди угольков найдены мелкие камешки и галька. Скорее всего, можно говорить об остатках очистительного обряда, совершенного либо до погребения человека, либо непосредственно во время акта захоронения.

Под черепом коня обнаружено пять предметов от верховой уздечки (рис. 7, 2–6). Четыре бляхи сделаны из клыков кабана, а одна — из когтя медведя. Одна из кабаньих блях имеет тонкий резной орнамент вокруг отверстий и восьмеркообразный выступ на широкой плоскости (рис. 7, 4). Комплект главных элементов узды, скорее всего, состоял из ременных удил и деревянных псалиев, которые не сохранились из-за близкого расположения погребения к современной поверхности. Такой комплект уздечки выявлен у одного из коней в Аржане-1. Бляхи узды, находившиеся под черепом коня, являлись нащечными бляхами и развилками-двойниками.

Наиболее интересна бляха-развилка, аналогичная восьмеркообразным бляхам из камеры 26 кург. Аржан-1 (Грязнов 1980: рис. 24, 3–4). На бадановской развилке (рис. 7, 4) восьмеркообразный вырез едва возвышается над плоскостью клыка кабана, а боковые отверстия и края обоймы подчеркнуты тонкой резной двойной линией. Резной орнамент наиболее характерен на роговых вещах, в том числе на псалиях и деталях узды, происходящих из памятников эпохи поздней бронзы Казахстана (Алексеевское, Шортанды-Булак, Атасу и др.), которые датируются XIII–VIII вв. до н. э. (Маргулан 1979: рис. 232). Среди многочисленных подобных блях из Аржана-1 такой орнаментации не обнаружено, что позволяет считать комплекс кург. 17 могильника Баданка IV немного более ранним, чем время Аржана-1. Предварительная его датировка — IX в. до н. э. Этому не противоречит и конструкция погребального сооружения (кольцевая ограда), и обряд захоронения (человек с конем на уровне древнего горизонта). Видимо, в период становления раннескифской обрядности практика захоронения в грунтовых ямах еще не сложилась — эта традиция выработается с конца VIII — начала VII в. до н. э.

Таким образом, можно вполне уверенно говорить о существовании в Западном Саяне культурного комплекса аржанского этапа, содержащего не только богатые элитные захоронения, но и погребения рядовых номадов. Немногочисленность подобных комплексов в Центральной Азии

объясняется спецификой захоронения на уровне древнего горизонта, что не позволяет в настоящий момент определенно выяснить их происхождение. Конструктивные особенности этих сооружений, погребальный обряд и детали конской уздечки отчасти связаны с памятниками эпохи бронзы Казахстана, но монгольское их происхождение также нельзя полностью исключить из-за малоизученности этого региона.

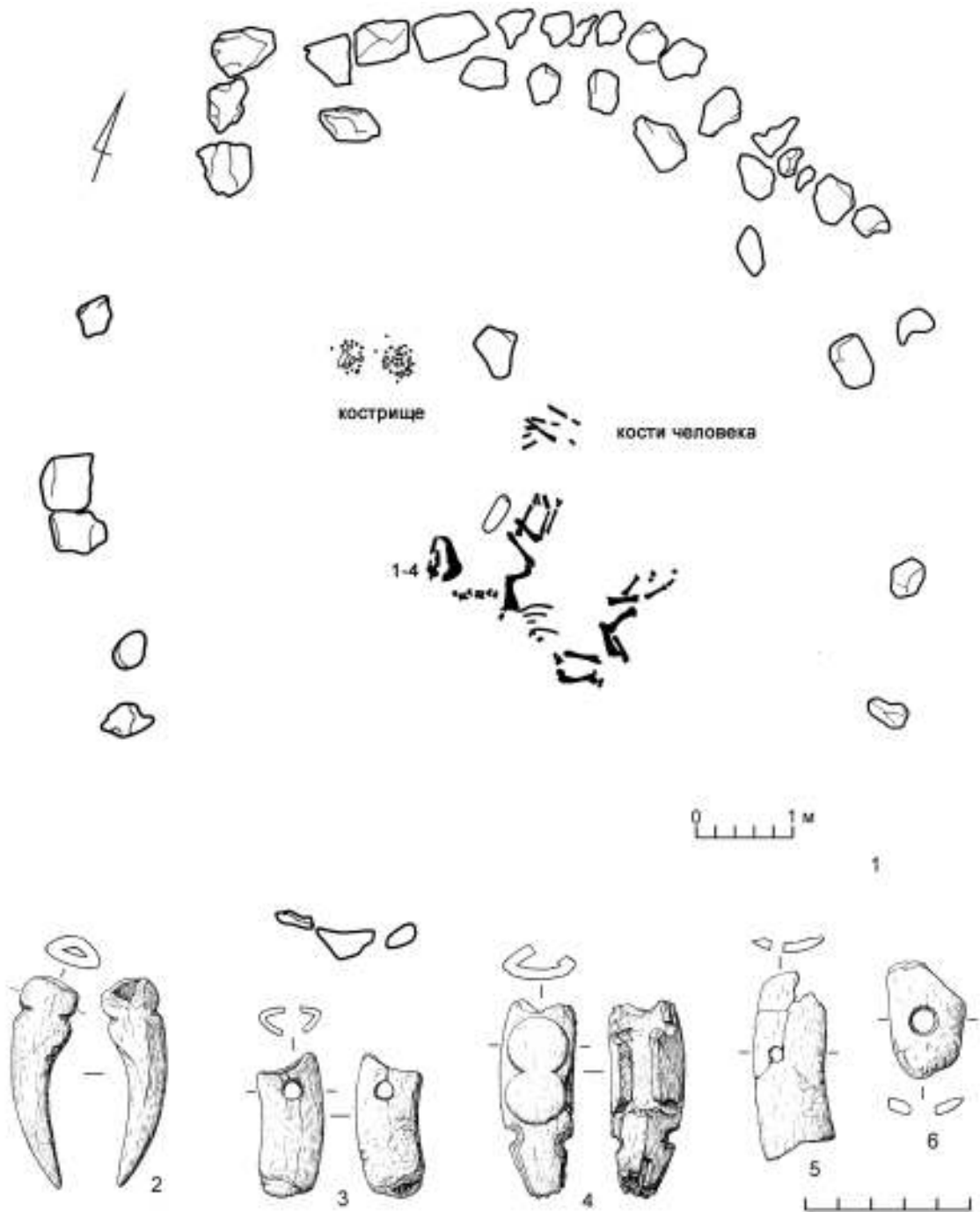

Рис. 7. Могильник Баданка IV, кург. 17: 1 — план кургана; 2–6 — роговые бляхи конской уздечки
Fig. 7. Badanka IV cemetery, barrow 17: 1 — plan; 2–6 — bridle plaques, antler

Другие исследованные курганы могильника Баданка IV (кург. 11–18) относились к несколько более позднему времени скифской эпохи — к так называемой алды-бельской культуре. Каменные ограды в значительной степени распаханы. В тех случаях, когда удалось их зафиксировать, они имели круглую или овальную форму. В центре обычно находилось по одной грунтовой могиле (до 1,2 м глубиной), в которой хоронили взрослых; детей, как правило, хоронили в каменных ящиках (рис. 8; 10; 12, 1, 3, 8; 13, 1). Обнаружен многочисленный погребальный инвентарь: предметы вооружения (бронзовые ножи, чеканы, наконечники стрел), конского снаряжения (бронзовые детали уздечки) и туалета (гребешки), а также украшения (стеклянные и костяные бусины) (рис. 9; 11, 1–7; 12, 2, 4–7, 9–17; 13, 2–26). Все изделия имеют близкие аналогии в алды-бельских курганах Тувы и тагарской культуре Минусинской котловины.

Могильник Сосновый находится на правом берегу р. Ус, на высокой первой надпойменной террасе, в 1,5 км к С от устья р. Сосновой. Состоит из кургана с каменно-земляной насыпью диаметром около 25 м и высотой 1,2 м, а также восьми западин вокруг него. Подквадратные западины формы размерами 3 × 2,5 м и глубиной до 0,8 м располагаются с северной, восточной и южной сторон кургана. К северо-востоку от кург. 1 зафиксирована каменная выкладка диаметром около 2 м и высотой 0,2 м. Весь комплекс предварительно относится к скифскому времени, но западины, скорее всего, являются памятниками саглынского типа (V–III вв. до н. э.), а большой курган может относиться к несколько более раннему времени. Выкладка 10, без детального ее изучения, остается пока без культурно-хронологической атрибуции. Такие выкладки позднее были раскопаны О. А. Митько, который по обнаруженному материалу отнес их к средневековью. Среди камней выкладок был найден олений камень скифской эпохи.

Могильник Мутная I находится в 350 м к В от могильника Мутная II и западнее р. Мутной. Состоит из трех курганов значительных размеров, насыпи земляные, без признаков камня, сильно задернованы (диаметры насыпей — 15–20 м, высота — до 2 м). Курганы расположены небольшой цепочкой по линии СЗ–ЮЗ. Могильник относится к скифскому времени.

Могильник Мутная II расположен в 1 км западнее устья р. Мутной при впадении ее в р. Ус и примерно в 10 км к ЮЗ от с. Нижнеусинское. Состоит из 13 курганов разной величины, которые вытянуты цепочкой по линии ССВ–ЮЮЗ. Могильник практически весь находится на пахотном поле, не распахиваются только кург. 1 и 13. Округлые каменно-земляные насыпи курганов (диаметром 5–30 м) достигают 0,3–2 м высоты. Каменные надмогильные сооружения прослеживаются во всех небольших курганах, в больших курганах камней практически не видно, что, скорее всего, объясняется сильной задернованностью насыпей. Могильник может относиться к скифскому времени.

В *пункте Усть-Федоровка* на левом берегу обнаружены два памятника изобразительного искусства: один — с окуневскими личинами, другой — с изображениями козла, оленя и детеныша, которых терзают хищники (барсы и волк). Звери выполнены в скифской изобразительной манере.

Курганный могильник Маральское-2 находится на правом берегу р. Иджим в 31 км к В от с. Верхнеусинское и в 1 км к СВ от пос. Маральский. Могильник расположен у подножья горного отрога на наклонной полке, образованной в результате эрозии скальных выступов. Он состоит из 26 видимых курганов, 8 из которых были раскопаны в 2009–2012 гг. Курганы представляли собой круглые ограды (6–8 м в диаметре), сложенные из больших камней, внутри которых заполнение состояло из более мелких камней. В центре находился каменный ящик из больших плит. Все захоронения были совершены на уровне древнего горизонта; погребенные были уложены головой на З, на левом боку в скорченном или в вытянутом положении. К сожалению, все погребения были безынвентарные. По совокупности данных эти памятники относятся к раннескифскому времени.

Междисциплинарные исследования. Прогресс в области инструментальной техники, связанный с появлением приборов последнего поколения, позволяет не только осуществлять элементный анализ образцов, но и определять с высокой точностью различные изотопы, часто являющиеся некими «маркерами», характеризующими определенные провинции проживания, диету и другие важные составляющие среды обитания древнего человека (Лохов и др. 2005).

Наиболее ценную информацию можно получить, определяя изотопный состав различных химических элементов в костных остатках животных и человека. Для исследования были использованы вариации радиогенного изотопа стронция ^{87}Sr (продукта распада долгоживущего

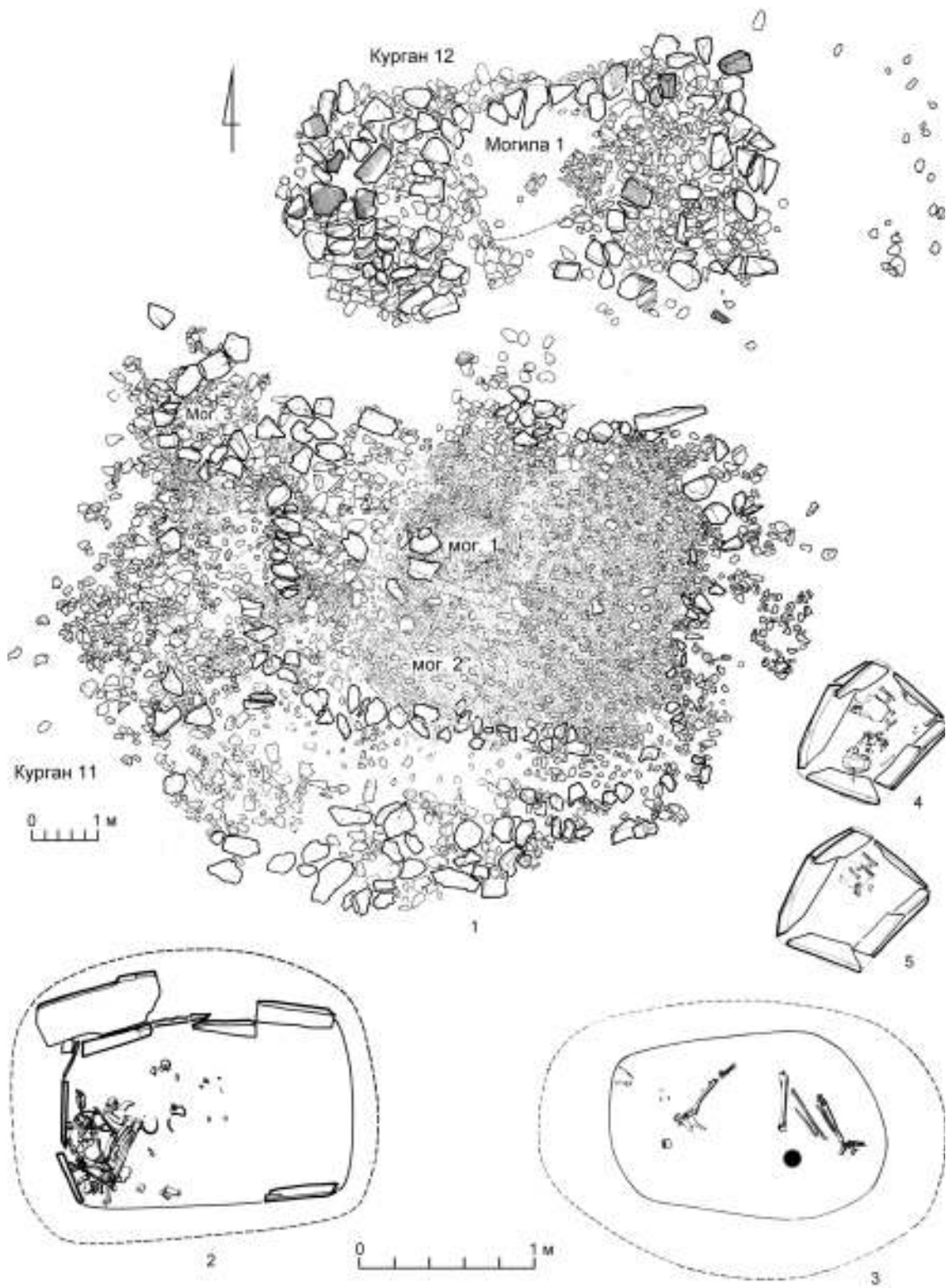

Рис. 8. Могильник Баданка IV: 1 — каменные насыпи кург. 11 и 12, планы; 2–5 — кург. 11, мог. 1–3, планы
Fig. 8. Badanka IV cemetery: 1 — stony mounds of barrows 11 and 12, plans; 2–5 — barrow 11, graves 1–3, plans

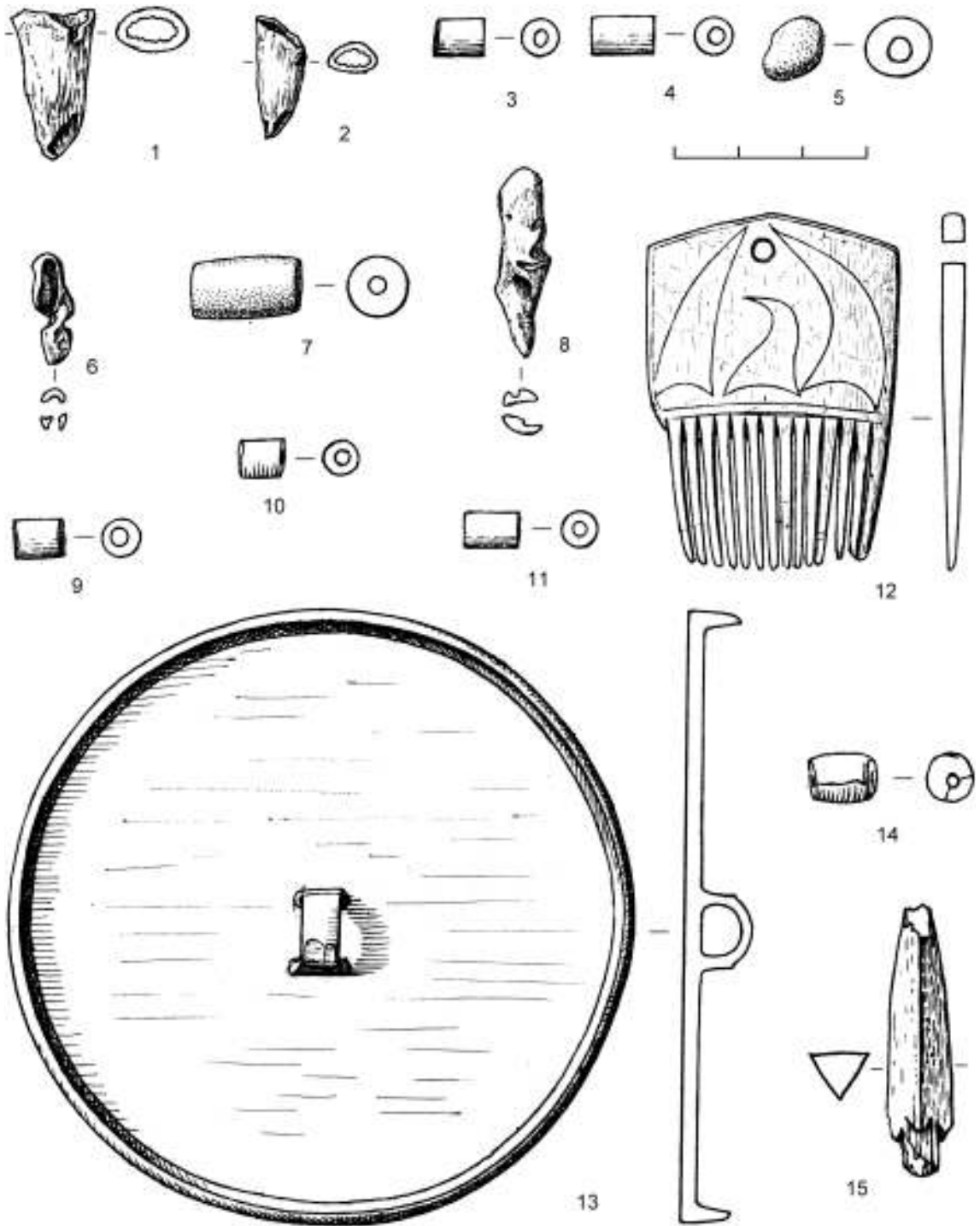

Рис. 9. Могильник Баданка IV, инвентарь: 1-2 — кург. 11, мог. 1, подвески; 3-13 — кург. 11, мог. 2 (3-11 — бусины; 12 — гребень; 13 — зеркало); 14 — кург. 11, мог. 3, бусина; 15 — кург. 12, мог. 1, наконечник стрелы (1-2, 12 — рог; 3-11 — стекло, кость; 13 — бронза; 14 — стекло; 15 — кость)

Fig. 9. Badanka IV cemetery, burial goods: 1-2 — barrow 11, grave 1, pendants; 3-13 — barrow 11, grave 2 (3-11 — beads; 12 — comb; 13 — mirror); 14 — barrow 11, grave 3, bead; 15 — barrow 12, grave 1, arrowhead (1-2, 12 — antler; 3-11 — glass, bone; 13 — bronze; 14 — glass; 15 — bone)

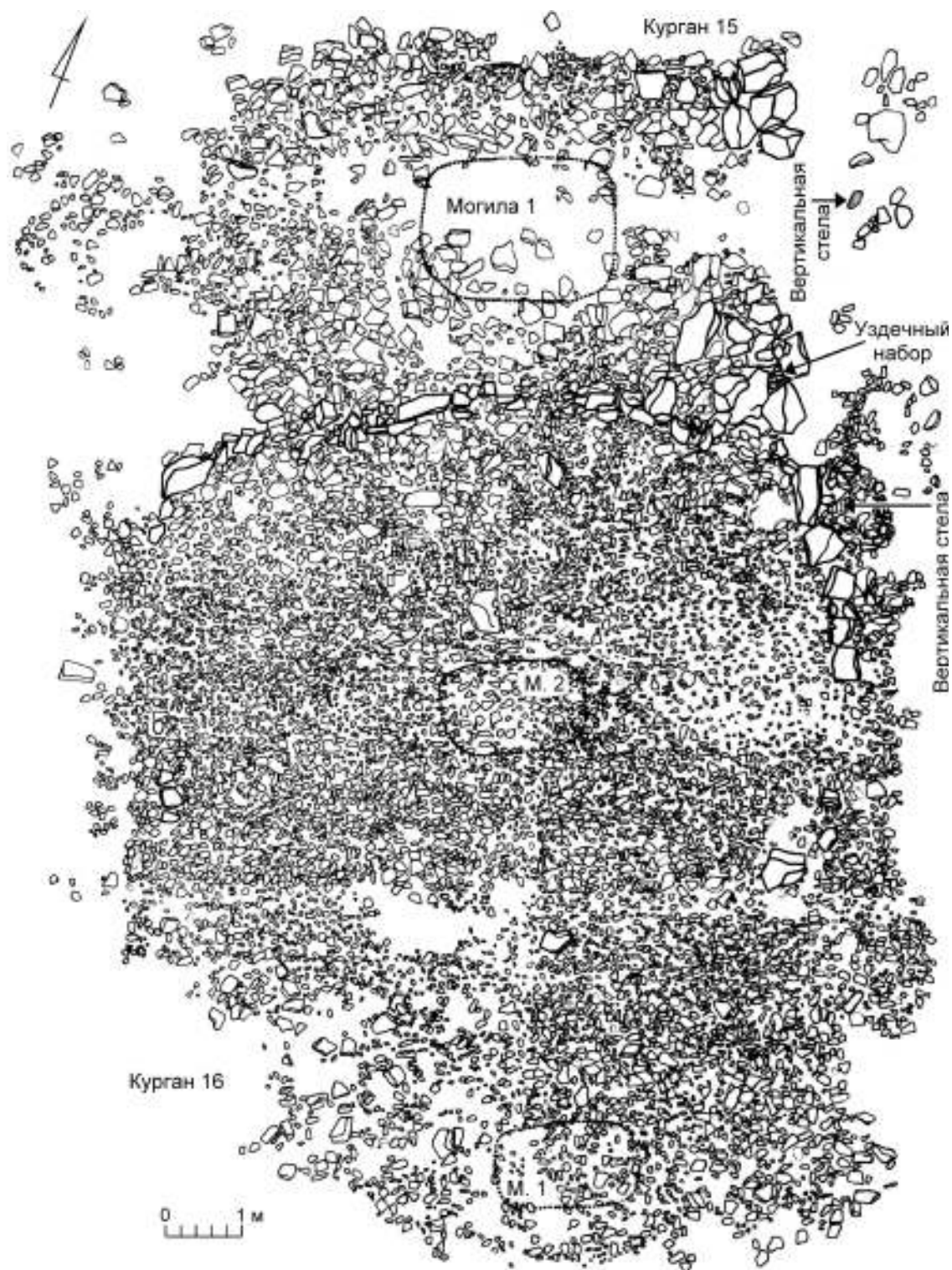

Рис. 10. Могильник Баданка IV, каменные насыпи кург. 15 и 16, планы
Fig. 10. Badanka IV cemetery, stony mounds of barrows 15 and 16, plans

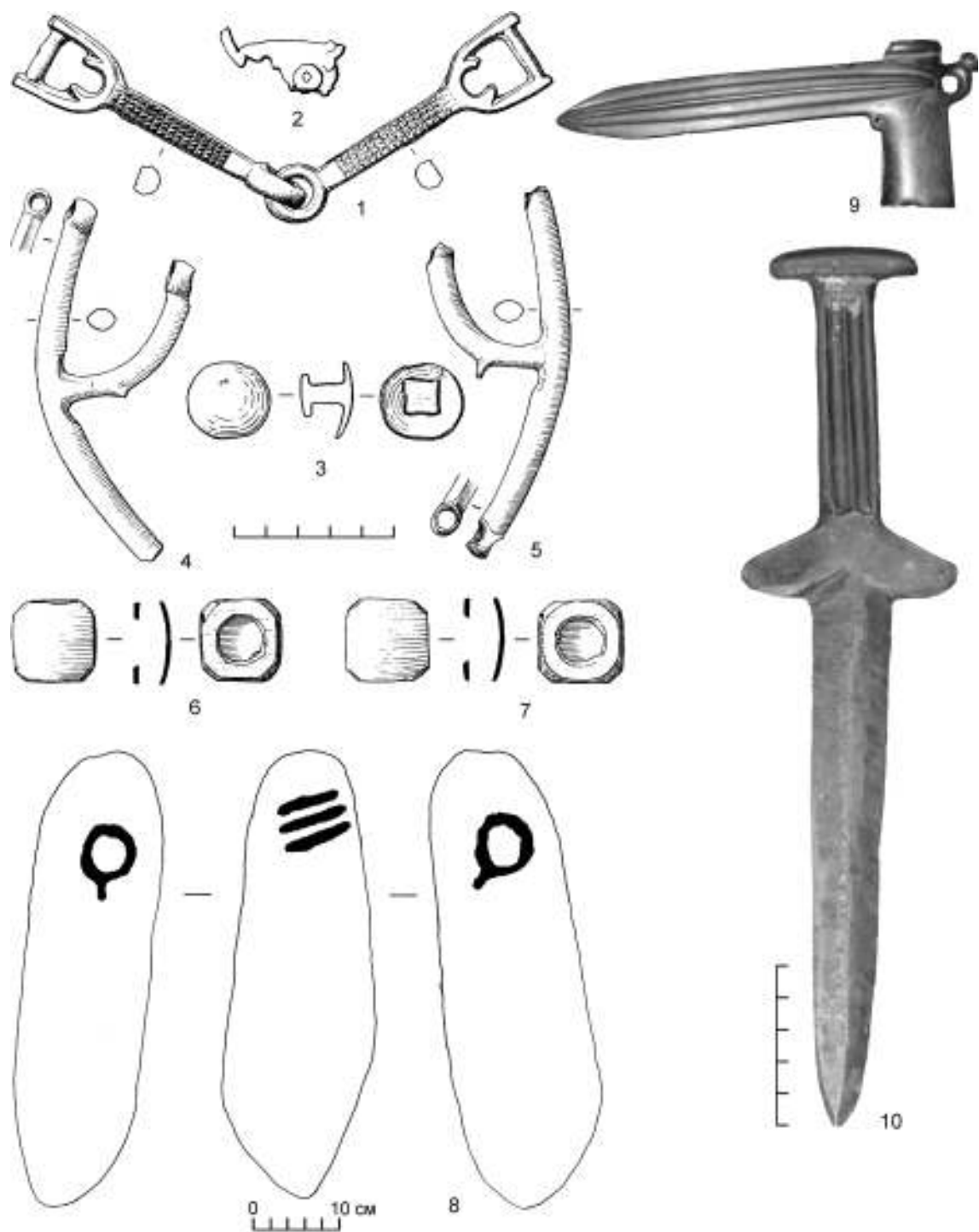

Рис. 11. Могильник Баданка IV, кург. 15, набор бронзовой конской сбруи из юго-восточной части ограды и олений камень из каменного покрытия кург. 12 (8). 9 и 10 — бронзовые чекан и кинжал, случайные находки из пос. Верхнеусинский

Fig. 11. Badanka IV cemetery, barrow 15, bronze harness set from the southeastern part of the enclosure, and a deer stone from the roofing of barrow 12 (8). 9 and 10 — bronze horseman's pick and dagger, incidental finds from the Verkhneusinsky settlement

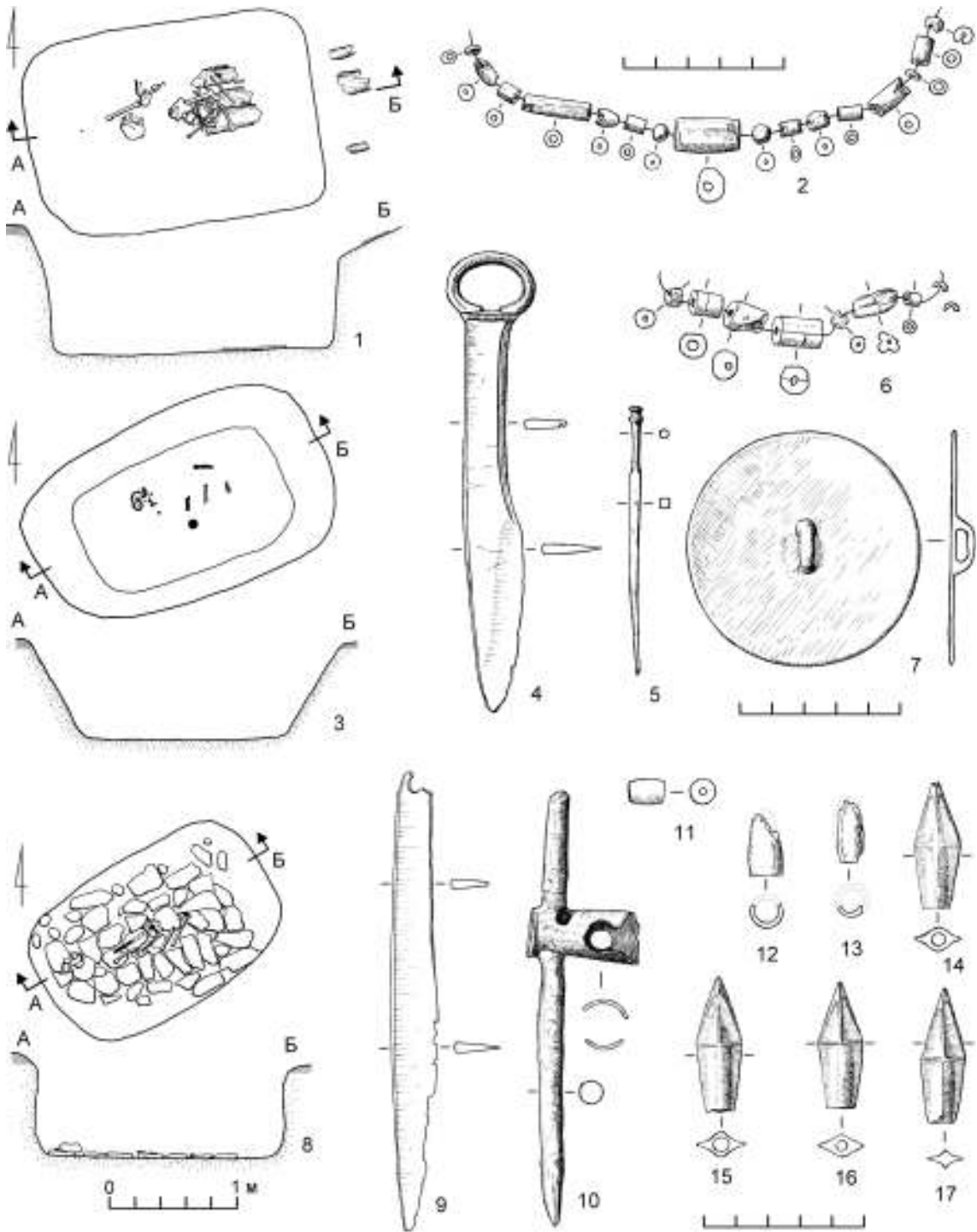

Рис. 12. Могильник Баданка IV. 1, 2 — кург. 15, мог. 1 (1 — план могилы; 2 — бусины из стекла и хризопраза). 3–7 — кург. 16, мог. 1: 3 — план и профиль; 4 — нож; 5 — шило; 7 — зеркало; 6 — бусины (4, 5, 7 — бронза, 6 — стекло). 8–17 — кург. 16, мог. 2: 8 — план и профиль; 9 — нож; 10 — чекан; 11 — бусина; 12–13 — пулевидные наконечники стрел; 14–17 — наконечники стрел (9–10, 14–17 — бронза; 11 — хризопраз; 12–13 — рог)

Fig. 12. Badanka IV cemetery. 1, 2 — barrow 15, grave 1 (1 — plan; 2 — glass and chrysoprase beads). 3–7 — barrow 16, grave 1: 3 — plan and profile; 4 — knife; 5 — awl; 7 — mirror; 6 — beads (4, 5, 7 — bronze, 6 — glass). 8–17 — barrow 16, grave 2: 8 — plan and profile; 9 — knife; 10 — horseman's pick; 11 — bead; 12–13 — bullet-shaped arrowheads; 14–17 — arrowheads (9–10, 14–17 — bronze; 11 — chrysoprase; 12–13 — antler)

радиоактивного изотопа ^{87}Rb), выраженного в отношениях $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, и вариации легких стабильных изотопов углерода и азота: $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$.

Соотношение изотопов стронция может идентифицировать провинции проживания древнего населения, поскольку это соотношение определяется двумя факторами: начальным соотношением Rb/Sr в породах и их геологическом возрасте, соответственно, почвы и воды в различных регионах должны быть различны по изотопному составу стронция, а последний, в свою очередь, фиксируется в костной ткани живых организмов. Данные по стронцию характеризуют место проживания человека (провинцию): за время роста скелета, т. е. до 20–25 л., так как в костях фиксируется стронций с изотопным составом, характерным для специфической местности.

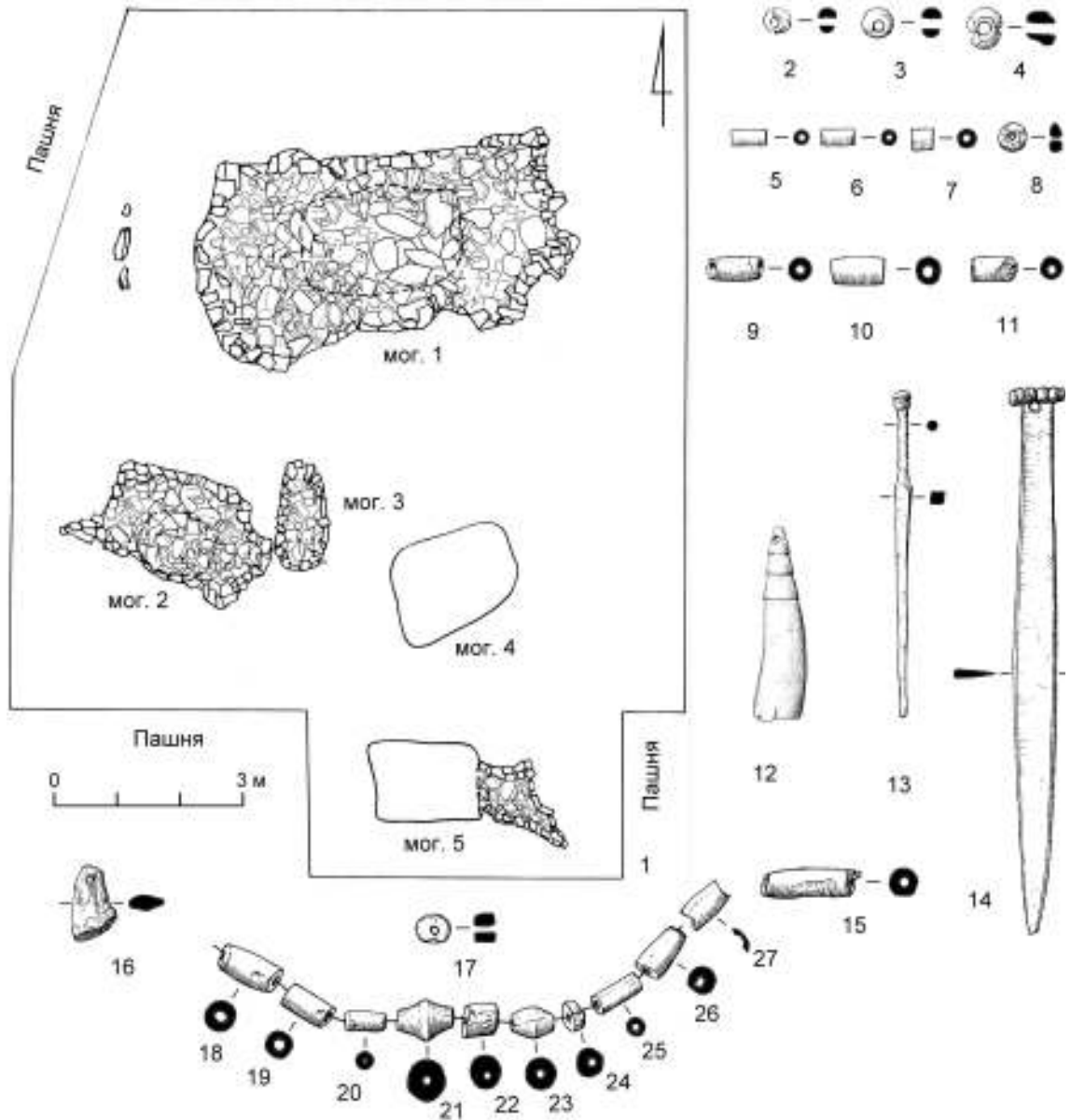

Рис. 13. Могильник Баданка IV, кург. 18: 1 — планы могил; 2–7, 14–26 — бусины (2–4 — мог. 1; 5–7 — мог. 2; 14–26 — мог. 4) (5–7 — паста; 15 — зуб; остальное — стекло); 8–13 — мог. 5, инвентарь (8–10 — бусины, стекло; 11 — подвеска, кость; 12 и 13 — шило и нож, бронза)

Fig. 13. Badanka IV cemetery, barrow 18: 1 — plans of the graves; 2–7, 14–26 — beads (2–4 — grave 1; 5–7 — grave 2; 14–26 — grave 4) (5–7 — paste; 15 — tooth; the other objects are of glass); 8–13 — grave 5, burial goods (8–10 — glass beads; 11 — bone pendant; 12 and 13 — bronze awl and knife)

Особенно четко факт миграции может быть установлен при сравнении изотопного состава стронция в костях людей со стронцием в костях домашних животных, желательнее с коротким сроком созревания и относительно малым сроком жизни — коровы, лучше овцы.

Выяснилось, что по изотопному составу стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ 0,709878) в костях погребенный из мог. 1 могильника Теплая близок к овцам из кург. Аржан-2 (Тува) (см. Чугунов 2004; Чугунов и др. 2002; и др.) и Шалгинов 2 (Хакасия). Поэтому говорить о происхождении этого человека сложно, но наиболее вероятно, что он вырос на территории Западного Саяна.

Современные методы использовались также при изучении металла предметов из скифских памятников юга Красноярского края, Хакасии и Тувы (Капитонов и др. 2005). Методика локального изотопного анализа свинца (изотопы ^{206}Pb , ^{207}Pb и ^{208}Pb) методом LA-ICPMS в материале изделий из золота и бронзы позволяет не только определять химический состав и микропримеси, более тонко выявлять различия в составе металлов и сплавов, но и решать проблемы, связанные с вопросами технологии изготовления.

При исследовании золотых украшений из различных памятников выяснилось, например, различие в составе двух золотых изделий из кург. 2 могильника Теплая. В составе металла золотых фигурки козла и бляшки из кург. 2 выявлено низкое содержание золота и повышенное содержание серебра по сравнению с остальными золотыми предметами в этой могиле. В то же время золотая бляшка-птица из кург. 2 могильника Теплая сделана из золота гораздо более высокой пробы. Наиболее близкий состав металла золотых бляшек (в виде хищных птиц и хищника) из памятников Усинской долины (могильник Теплая, кург. 2, мог. 1; могильник Баданка II, кург. 6, мог. 1) прослеживается с украшениями из Аржана-2, мог. 5 в Туве (Чугунов 2004; Чугунов и др. 2002).

Состав бронзовых изделий показал, что вещи из могильников Теплая и Баданка IV близки между собой. В свою очередь, они коррелируют по составу металла с предметами из памятников Минусинской котловины (могильники Большая Ерба, Колок, Казановка-3, Иптыг, Есино XVI, Анчил чон I), Алтая (Усть-Шилка) и Тувы (Аржан-2). Большинство исследованных бронз объединено в большую группу металла, которая характеризует, по-видимому, единый Саяно-Алтайский горно-металлургический очаг с доминированием Минусинской котловины, сложившийся здесь уже в доскифское время.

Заключение. Таким образом, скифская эпоха в рассматриваемом регионе представлена всеми этапами развития культуры кочевников. В основном это курганы небольших размеров, но некоторые из них достигают 20–30 м в диаметре и до 2,5 м в высоту. Насыпи — каменно-земляные, в отдельных случаях уплощенно-ступенчатой формы. Иногда курганы окружены заплывшим ровиком. Было раскопано 17 могил в 21 объекте могильников Усть-Федоровка, Баданка II–IV, Теплая и Маральское-2, на основе анализа которых выделяются четыре хронологические группы памятников.

I и II группы — могилы с круглыми оградами, сложенными из крупных камней, внутри которых имелась засыпка более мелкими камнями. Захоронения на уровне (или вблизи) древнего горизонта (возможна обкладка погребенных крупными удлиненными гальками в виде цисты). *Группа I* (монгун-тайгинский тип) представлена захоронениями в небольшой ограде (диаметр 3 м), в скорченном положении по линии СЗ–ЮВ (Усть-Федоровка, кург. 1, Маральское-2). *Группа II* (аржанский этап) представлена захоронением на горизонте человека и снаряженного под верх коня (человек в скорченном положении на левом боку, головой на ЗЮЗ; конь — южнее человека, на левом боку, головой на З); под черепом коня — остатки узды с роговыми бляхами аржанского типа (Баданка IV, кург. 17).

III группа — могилы с прямоугольными оградами из крупных камней. Характерной особенностью этой группы являются оленный камень и стелы, обнаруженные в каменных покрытиях могил и вертикально врытые за восточной стенкой ограды на расстоянии 1 м либо в пристроенной индивидуальной ограде с восточной стороны основной ограды кургана. Индивидуальные захоронения в грунтовых могилах глубиной 0,9–1,2 м. В группе представлено два варианта. *Вариант А* — погребения в каменных ящиках, на левом боку, в скорченном положении, головой на ЗСЗ, ЮЗ; сопроводительный инвентарь: бусины, подвески, бронзовые ножи, чекан, наконечники стрел различных типов (Баданка IV, кург. 2, мог. 1, 3; кург. 16, мог. 2). *Вариант Б* — захоронения в деревянных срубах (?), пол из тонких плах; поза и ориентировка погребенных аналогичны варианту А;

сопроводительный инвентарь: бусины, бронзовые ножи, зеркала, роговой гребень, в одном случае в ЮВ части ограды 15 обнаружен полный комплект конской сбруи (бронзовые удила, псалии, бляшки, пряжки) (Баданка IV, кург. 2, мог. 2; кург. 12; кург. 15; кург. 16, мог. 1). В могилах группы А погребены мужчины, в могилах группы Б — мужчины и женщины.

IV группа — большие курганы с глубокими могилами (до 4 м), на дне которых устанавливали деревянный квадратный сруб с деревянным полом и перекрытием (Теплая, кург. 2; Баданка II, кург. 6).

I–II группы памятников предварительно могут датироваться IX–VIII вв. до н. э., на что указывает типологическая близость блях из кург. 17 Баданка IV с аржанскими роговыми бляхами (кург. Аржан-1), а также способ резной орнаментации по краю одной из них — подобный прием был зафиксирован на материалах из памятников эпохи поздней бронзы Казахстана (Шортанды-Булак, Атасу и др.). Предложенной датировке не противоречит и обряд захоронения человека с конем на горизонте.

III группа курганов, по аналогиям с материалами алды-бельской культуры (Хемчик-Бом III и V; Алды-Бель I; и др.) и раннеюжскими (Эрзин I и II; и др.), а также по параллелям с казахстанскими комплексами (Чиликта, Тасмола и др.), датируется VII–VI вв. до н. э.

IV группа памятников имеет обширные аналогии в памятниках саглынского времени Тувы и датируется VI–II вв. до н. э. Случайные находки из пос. Верхнеусинский — бронзовые чекан и кинжал (рис. 11, 9, 10), типологически относящиеся к разным этапам скифского времени и имеющие широкие аналогии по всей территории Центральной Азии, ярко свидетельствуют о наличии у кочевников Усинской котловины тех же типов вооружения.

Проанализированные материалы и полученные данные позволяют рассматривать памятники Усинской долины как самую северную группу скифских племен центральноазиатского типа. Наиболее ярко об этом свидетельствуют погребальный обряд и порядок размещения оленного камня и стел в могильнике Баданка IV, аналогичные принципам размещения оленных камней в сооружениях Монголии. Здесь представлены все этапы развития культуры скифского типа в этом регионе. Также достаточно ярко прослеживаются связи с культурами Минусинской котловины, Алтая и Казахстана, характер которых еще не совсем ясен и требует дальнейших комплексных исследований.

Боковенко 1986 — *Боковенко Н. А.* Работы на юге Красноярского края // АО 1984 года. 1986. С. 187–188.

Боковенко 1987 — *Боковенко Н. А.* Новые памятники раннескифского времени в Западных Саянах // Задачи советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюз. конф., Суздаль, 1987 г. М.: Наука, 1987. С. 46–47.

Боковенко 1996 — *Боковенко Н. А.* Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН; ГЭ, 1996. С. 85–90 (АИ. Вып. 24).

Боковенко и др. 2005 — *Боковенко Н. А., Дергачев В. А., Дирксен В. Г., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., ван Гил Б., Ван дер Плихт Й.* Развитие археологических культур и климатические изменения в Евразийских степях Южной Сибири в голоцене (Минусинская котловина) // II Городцовские чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. М.: ГИМ, 2005. С. 96–102 (ТГИМ. Т. 145).

Васильев 1992 — *Васильев С. А.* Освоение человеком каменного века гор Западного Саяна // Российская археология. 1992. № 1. С. 5–12.

Витт 1952 — *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. 16. С. 163–205.

Грач 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грязнов 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан: царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 60 с.

Дирксен и др. 2007 — *Дирксен В. Г., van Geel В., Боковенко Н. А., Чугунов К. В., Семенов А. А., Зайцева Г. И., Cook G., van der Plicht J., Scott M., Кулькова М. А., Лебедева Л. М., Бурова Н. Д.* Изменение природной среды в голоцене и динамика археологических культур в горных котловинах Южной Сибири // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: Материалы конф., посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН; Теза, 2007. С. 340–364.

Капитонов и др. 2005 — *Капитонов И. Н., Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Зайцева Г. И., Боковенко Н. А., Чугунов К. В., Скотт М., ван дер Плихт Й.* Элементный и изотопный анализы металлических объектов памятников скифского времени Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. чл.-корр. РАН С. В. Киселева (г. Минусинск, 20–26 июня 2005 года). Красноярск: РИО Красноярского ГПУ, 2005. С. 82–84.

Лохов и др. 2005 — *Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Капитонов И. Н., Зайцева Г. И., Боковенко Н. А., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю., Скотт М., ван дер Плихт Й.* Изотопы углерода, азота и стронция в костных остатках памятников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии (опыт определения мигрантов, сравнительного анализа диеты древнего населения) // Там же. С. 91–93.

- Мандельштам 1983 — Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках: Сб. статей. Л.: Наука, 1983. С. 25–33.
- Маннай-оол 1970 — *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (Уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.
- Маргулан 1979 — *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1979. 358 с.
- Митько 2002 — *Митько О. А.* Работы в Красноярском крае // АО 2001 года. 2002. С. 451–452.
- Михайлов и др. 1992 — *Михайлов Н. Н., Чистяков К. В., Амосов М. И.* и др. Геоэкология горных котловин / Ю. П. Селиверстов (ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1992. 292 с.
- Панкова, Слободзян 2005 — *Панкова С. В., Слободзян М. Б.* Наскальные изображения в Хакасии и Красноярском крае [65–67] // АО 2004 года. 2005. С. 475–477.
- Семёнов 1992 — *Семёнов Вл. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.: Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение, 1992. 136 с.
- Семёнов 2003 — *Семёнов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.
- Чугунов 2000а — *Чугунов К. В.* Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: Сб. статей к 60-летию М. Л. Подольского. СПб.: Мир книги, 2000. С. 213–238.
- Чугунов 2000б — *Чугунов К. В.* К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2000. Вып. 11. С. 165–168.
- Чугунов 2004 — *Чугунов К. В.* Аржан — источник // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве: Каталог выставки / К. В. Чугунов (сост.). СПб.: Изд-во ГЭ; Славия, 2004. С. 10–39.
- Чугунов и др. 2002 — *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // АЭАЕ. 2002. № 2 (10). С. 115–124.
- Bokovenko 1994 — *Bokovenko N. A.* Tomb of Saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. St. Petersburg: Inst. of the History of Material Culture RAS, 1994. P. 48–53 (AS. Issue 16).
- van Geel et al. 2005 — *van Geel B., Bokovenko N. A., Burova N. D., Chugunov K. V., Dergachev V. A., Dirksen V. G., Kulkova M. A., Nagler A., Parzinger H., van der Plicht J., Vasiliev S. S., Zaitseva G. I.* Climate change and the sudden expansion of the Scythian culture after 850 BC // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. чл.-корр. РАН С. В. Киселева (г. Минусинск, 20–26 июня 2005 года). Красноярск: РИО Красноярского ГПУ, 2005. С. 67–68.

Archaeological sites of the Scythian epoch in the Us depression, West Sayan: cultural-historical interpretation

N. A. Bokovenko

Us depression is the biggest one in the West Sayan Mountains (50×15 km). It is delimited by the the Mirsky ridge spurs from the north and the east, and by the Kurtushibinsky ridge from the south and southeast. In ancient times this region was a contact zone between the cultures of Altay, Minusinsk depression, and Tuva. The Us detachment of the Middle Yenisey Expedition of IHMC RAS, headed by the present author, started its works in the Us depression in 1984. Tens of cemeteries dating from the Scythian period were discovered in the valley in the course of reconnaissance works. Subsequent excavations of some cemeteries (Teplaya, Badanka II–IV, Ust-Fedorovka, Maral'skoe-2) made it possible to distinguish four chronological groups of sites: group I — Mongun-Taiga type, late Bronze Age (Ust-Fedorovka), group II — Arzhan type (Badanka IV, barrow 17; Maral'skoe-2), group III — Aldy-Bel stage (Badanka IV, barrows 12–13, 15–16), group IV — Salgyn stage (Teplaya, barrows 1–2; Badanka II, barrow 1). Despite some local specifics, the Us valley sites appear to have been left behind by the northernmost group of Scythian tribes of Central Asia. While the available evidence is clearly indicative of the existence of connections with the cultures of Altay and Kazakhstan, their nature still remains to be clarified.